Влюбиться в жертву

Автор:
Татьяна Алюшина

Влюбиться в жертву

Татьяна Александровна Алюшина

Еще раз про любовь

Следователь Артем Беркутов пришел в дом Тины, чтобы обвинить ее в покушении на убийство, и… влюбился. Собирая доказательства, он уже не сомневался, что молодая женщина не виновна. Но кто ненавидит ее столь сильно, что готов пойти на преступление?.. Это дело как-то незаметно стало для Артема очень личным.

Книга также выходила под названием «Вирус ненависти».

Татьяна Алюшина

Влюбиться в жертву

© Алюшина Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается моей сестре Светлане Беляевой, с любовью и благодарностью за поддержку и веру в меня.

Поколебавшись еще пару секунд, она все-таки открыла дверь.

На пороге стоял незнакомый мужчина.

Он был весь какой-то большой – рост под метр девяносто, даже, наверное, выше; широкие плечи, сильные крупные руки, под белой дорогой футболкой и легким льняным костюмом угадывались тренированные мышцы. Довершали образ коротко стриженные темные волосы, слегка искривленный, видимо перебитый когда-то давно, нос и очень внимательные голубые глаза.

«Терминатор!» – как-то отстраненно-безразлично подумала Тина.

– Здравствуйте! – поздоровался мужчина.

«И голос точно как у Терминатора!»

От этого низкого, какого-то насыщенного тембра голоса у нее даже пробежал холодок по позвоночнику, как бывает, когда попадаешь в резонанс с музыкальным ладом.

Она не ответила, стояла и рассматривала его.

– Игнатова Валентина Игоревна? – спросил мужик.

– Бить будете или удостоверение предъявите? – спокойно поинтересовалась Тина.

– А что, есть за что бить? – усмехнулся он.

– Да кому сейчас повод нужен? – пожала плечами она.

– Тоже верно! – все еще усмехаясь, согласился дядька и представился: – Беркутов Артем Константинович, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры.

Затем достал из борсетки, висящей на запястье, удостоверение, развернул и показал ей.

Тина равнодушно рассмотрела удостоверение.

– У меня к вам есть несколько вопросов, – пояснил следователь.

– Проходите, – пригласила она и отошла в сторону, пропуская его в квартиру.

Артем Константинович вошел, кинул быстрый взгляд на пепельницу и кружку, стоявшие на полу, и вопросительно указал жестом на свою обувь.

– Нет, нет, не снимайте, – испугалась такой возможности Тина, живо представив, как он станет это делать, и пригласила: – Идемте на кухню.

Они прошли в кухню, и Тина указала ему на «гостевое» место – удобный плетеный стул за столом, напротив окна.

Артем быстрым профессиональным взглядом оценил обстановку.

Кухня оказалась большая – метров пятнадцать, очень стильная и… удивительно уютная. Становилось понятно, что, невзирая на дорогую мебель и современную встроенную технику, кухню делали под себя, не обращая внимания на модные тенденции. Пол паркетный, светлого дерева, кухонный гарнитур, тоже светлого дерева, – не огромный и громоздкий, как часто бывает, а легкий, занимающий не так много места. Круглый обеденный стол, плетеные стулья, цветы в горшках на столешнице и подоконнике, занавески в тон. Много керамики: тарелки, чашки, какие-то миски, вазы, расставленные по полкам, явно не только для красоты.

Все это создавало ощущение уюта, спокойствия, домашности, что ли, и как-то очень созвучно оказалось Артему.

У него испортилось настроение. Вот в момент!

– Будете кофе, Артем Константинович? – гостеприимно предложила хозяйка.

– С удовольствием! – ответил он, стараясь изгнать из себя досаду.

Пользуясь тем, что она хлопочет у плиты, заваривая кофе, он внимательно и неспешно рассмотрел Игнатову.

Чуть выше среднего роста, где-то метр семьдесят, стройная – не жердь худосочная, вполне себе в теле, но ничего лишнего. Темные волосы, короткая стильная стрижка с длинными тонкими прядками возле маленьких ушек, такие же прядки сзади на шее. Красивые длинные ноги и удивительно маленькие ступни для такого роста. Тонкие запястья, узкие ладошки, длинные тонкие пальцы. Никакого яркого маникюра и короткие, красивой формы ногти. Высокая полная грудь, очень светлая, матового оттенка, кожа. На хозяйке квартиры были короткие кремовые бриджи и белый, доходящий до бедер, хлопчатобумажный легкий свитерок с глубоким вырезом на груди.

Все это, увиденное им в пару мгновений, вызвало у Артема прилив еще большей досады и какого-то разочарования.

Она поставила на стол две чашки с кофе, не маленькие гламурненькие «пиньдюрки», которые он терпеть не мог, а нормальные большие керамические кружки, полные крепкого ароматного напитка, запах которого вызвал мгновенный спазм в желудке, напомнив о том, что за целый день Артему так и не случилось нормально поесть.

– Молоко, сахар?

– Да, – коротко ответил Артем, стараясь уравновесить свое непонятное настроение.

Она добавила в его и свою кружку молока, поставила на стол сахарницу, плетенку с печеньем и чистую пепельницу, села напротив, отхлебнула кофе и закурила.

– Слушаю вас, Артем Константинович.

– Валентина Игоревна… – начал он, но она его перебила:

– Можно просто Тина.

Ну да! Конечно, Тина! А как же! Никакие Валя, Валюша ей не подходят. Экзотическая Тина – имя, вызывающее у тертого следака легкий, чисто мужской спазм внутри, – ей очень шло. В ней не было ничего вычурного, нарочитого, рисовки и позерства. Никаких украшений, только тоненькая цепочка с крестиком, спускающаяся в ложбинку груди, и полное отсутствие косметики на лице.

Выразительные светло-карие, даже скорее золотистые глаза, тонкие брови, прямой нос с еле заметной горбинкой, красивой формы губы – не слишком пухлые, но и не тонкие. Неброская, изысканная красота, которую чем больше рассматриваешь, тем больше открываешь.

Он наконец подобрал ей определение, которое все вертелось в голове непойманным, с первого мгновения, как он ее увидел, – изысканная простота!

Черт! Окончательно расстроился Беркутов.

Опять поднялась волной досада, которую он так старательно изгонял из себя.

– Хорошо, Тина, – рубанул вопросом он, – как давно вы виделись со своим мужем?

– Уточняю, – заметила она без эмоций в голосе, – бывшим мужем, и к тому же гражданским, мы не были расписаны. А виделись мы две недели назад, когда он забирал свои вещи.

– Почему он их забирал?

– Мы расстались, – пожала равнодушно плечами она.

– Почему? – вел беседу в мягкой форме допроса Беркутов.

– Хороший вопрос! Я сама себе его задаю, но несколько иначе: почему мы не расстались раньше? – усмехнулась невесело девушка и вдруг спросила прямо: – Артем Константинович, что произошло?

– Я объясню вам позже, ладно? – ушел от ответа он. – Меня интересует все, что связано с вашим бывшим мужем.

– С ним что-то случилось?

– Ничего страшного. Извините, но все-таки я вынужден вас спросить: что послужило причиной вашего расставания?

Ей позвонила на работу Ритка.

– Тина! Мне срочно нужно твое черное платье!

– Здравствуй, Рита, я тоже рада тебя слышать, и у меня все в порядке!

– Тинка, не вредничай! У меня обалденный клиент, и он пригласил меня в шикарный кабак!

– В шикарных кабаках флиртуют, а не говорят о делах. Ты вообще-то в курсе? – усмехнулась Тина.

– Я бы хотела совместить, если получится. Для этого мне и нужно твое платье!

– Заезжай вечером и возьми.

– Мне надо сейчас! У нас намечена встреча в пять. Понимаешь – в пять: очень по-деловому. Я сейчас лежу в ванной и буду приводить себя в порядок. Тиночка, пожалуйста, съезди за платьем и привези мне. Очень тебя прошу! Может, это судьба!

– Боже, спаси нас от этого! Обычно все, что «может, судьба», ты посылаешь через неделю-другую очень далеко, придав ускорение словами!

– Это ты у нас порядочная жена, а мы, одинокие девушки, ищем своего принца методом научного тыка, не ожидая милостей от природы!

– Ладно, ты там не утонешь, в ванной?

– «Ладно» – это значит, что съездишь, или призыв заткнуться? – осторожно уточнила Ритка.

– Съезжу, а то, не дай бог, разрушу счастье подруги!

– Я тебя люблю! Жду!

Войдя в прихожую своей квартиры, Тина увидела туфли мужа и его портфель и удивилась – странно, он никогда не приезжал домой днем. Может, что-то случилось?

Она собралась позвать его, даже вздохнула поглубже, когда вдруг услышала доносящиеся из спальни непонятные звуки. И уже подходя к двери, обо всем догадалась, но какая-то сила – скорее всего, желание убедиться окончательно, не дав себе трусливой возможности подумать, что не так все поняла, – заставила ее войти в комнату!

На кровати происходил апогей «большой и чистой любви» в исполнении Тининого мужа и ее же ближайшей подруги Людмилы.

Он скакал на ней, рвался к финалу, громко выкрикивая матерные слова. И в этот момент Тина столкнулась взглядом с Людмилой, лежащей под ним. И ее взгляд, за секунду, из откровенно чувственного, отрешенного стал испуганным.

Тина медленно вышла, осторожно притворив за собой дверь.

Прошла в кухню, заварила себе кофе, села за стол с чашкой в руке, закурила и уставилась в окно невидящим взглядом, пытаясь разобраться в хаосе своих мыслей.

Девушка испытывала целый букет чувств – непонимание и жгучую обиду на Людку, какую-то брезгливость от самой этой нелепой ситуации, но все это было второстепенным. Главным и самым сильным чувством оказалось огромное облегчение, ощущение, что некая невероятная тяжесть, давившая на нее много лет, вдруг свалилась с плеч, освободив от непомерного груза! Это поражало

и немного пугало.

«Я потом с этим разберусь! Сяду, подумаю и все пойму, а сейчас мне надо выдержать разговор! Просто потерпеть немного и пережить его!» – твердо, почти по слогам отдала она себе приказание.

Тина услышала звук закрывающейся входной двери – ушла Людмила. На кухню вышел Алексей, босиком, в брюках и расстегнутой рубашке, вперед своим солидным брюшком.

– Свари мне тоже кофе, – попросил он.

Тина молча показала ему рукой на плиту – жест, означающий «вари сам!».

– Ты же знаешь, я не люблю варить кофе, – раздраженно сказал он, достал из холодильника бутылку минеральной воды и налил себе в стакан.

Выпил залпом воду, поставил стакан на столешницу и выдвинул обвинение.

– Ты сама в этом виновата! – начал наступление Алексей. – Ты уже несколько месяцев со мной не спишь! В конце концов, я нормальный мужик, мне секс нужен регулярный, а не тогда, когда твое величество соизволит!

– Я не знала, что ты любишь материться в процессе! – еле сдерживая подступивший неожиданно предательски рвущийся смех, сказала Тина.

– Да, люблю!!! – закричал он. – Меня это заводит! Но с тобой это невозможно!! Ты же вся такая, прямо княгиня гребаная! С тобой рядом чихнуть страшно: вдруг ты не так поймешь!!

– Леша, ты не нервничай сильно-то, – очень спокойно сказала Тина. – Ты пойди, собери необходимые вещи на первое время. Я потом остальное упакую.

– Я не собираюсь от тебя уходить! Подумаешь, трахнулся мужик! Ну и что?! Если ты мне не даешь, это еще не повод для развода! Ты сама виновата!! – еще раз упрекнул он истеричным фальцетом.

– Хорошо. Я во всем виновата, – согласилась Тина, даже головой кивнула в подтверждение и закончила: – Но жить с тобой я больше не хочу. Пожалуйста, собери вещи и уходи!

– Дура! Идиотка! Вот так взять и все разрушить!! На что ты жить собираешься?! На свою зарплату?! – орал возмущенно Алексей.

– Леш, – ровным тоном вразумляла его она, – все время, что мы с тобой живем вместе, я живу на свою зарплату. У тебя деньги брала редко и только на продукты. Не думаю, что с твоим уходом стану жить хуже или бедней.

– Я вложил в эту квартиру бешеные бабки! Это мой дом! – нервничал он все сильней.

– Леш, – все так же спокойно говорила Тина, – это не твой дом, это квартира моих родителей. И перестань хоть раз в жизни считать деньги!

– Ты еще припомни, что первое время ты нас кормила!! – Лешка не мог остановиться, ему было просто необходимо ее во всем обвинить.

– Мы с тобой прожили пять лет, из них три года на мою зарплату, – уставшим тоном напомнила она. – Это не просто первые годы – это три из пяти! Я очень тебя прошу, будь ты мужчиной хоть раз – уйди, и все!

– Хорошо! Я уйду сейчас, но мы еще вернемся к этому разговору, когда ты немного остынешь! – сказал он и вышел из кухни.

Он ходил по квартире, собирался, а Тина прислушивалась к звукам его сборов – спальня, ванная, гостиная, снова спальная комната, кабинет. И ей все казалось, что он передвигается совсем медленно, и она умоляла его про себя:

«Ну уходи ты уже скорее! Давай, вали, сколько можно-то! Мне надо побыть одной!»

Наконец, собранный – с дорожной сумкой и портфелем в руке, одетый в костюм, он зашел в кухню.

– Я ухожу. Позвоню через пару дней, и мы поговорим спокойно, – деловым тоном сделал заявление Алексей.

– Оставь ключи, – попросила Тина.

– Они мне нужны, мало ли что мне понадобится! – возмутился бывший теперь уже гражданский муж. – Не дури!

– Оставь ключи! – очень жестко и холодно потребовала Тина. – Если тебе что-то понадобится, позвонишь, я тебе отдам!

– Ненормальная! – прикрикнул Лешка.

Но все-таки достал из кармана связку, снял с брелока два ключа от квартиры и швырнул на стол. Ключи пролетели по крышке столешницы, стукнулись о чашку и упали на пол к ногам Тины. Она не стала наклоняться и поднимать их.

С огромным облегчением Тина закрыла за Алексеем дверь и вернулась на кухню. Налила себе воды из бутылки, которую он оставил на столе, собралась выпить, но вдруг, совершенно неожиданно, перед мысленным взором девушки четко, во всех деталях, встала картинка, которую она увидела в спальне. И это показалось ей настолько комичным, что Тина засмеялась. Сначала легко, но смех тут же перешел в гомерический неудержимый хохот, отнимающий все силы. Она хохотала так, что у нее подкосились ноги, и девушка бессильно опустилась на пол. Отсмеявшись и немного успокоившись, она выпила воды, стакан с которой так и держала в руке, немного расплескав на себя.

Зазвонил телефон, лежавший на столе, выводя Тину из непонятного состояния.

– Тинка! – заорала Ритка, как только она взяла трубку. – Ну где ты?! Я тебя жду, жду, а ты не едешь! Я же опоздаю!

– Рита, – спокойным голосом ответила Тина, – тебе придется пойти в чем-нибудь другом.

Ритка замолчала.

Они очень хорошо знали друг друга, давно, с самого детства став близкими, фактически родными людьми. Рита знала, как Тина умеет скрывать свои чувства и эмоции за этим ее всегда спокойным и ровным тоном и точно понимала: чем тяжелее у подруги ситуация, тем спокойней она становилась – защитная реакция, выработанная с детства. Стоит только показать свои чувства – страх или радость, и тебе сделают в сто раз больнее. Моментально поняв, что у Тины что-то случилось, Ритка затараторила:

– Тина, я сейчас приеду!

– Не надо, Ритуль, – улыбнулась ее горячности подруга. – Я на работу, ты вечером приезжай. Во сколько ты сможешь?

– Когда надо, тогда и смогу! – решительно заявила Ритка.

– У тебя же свидание.

– Да хрен с ним, со свиданием! Что случилось-то?! – возмутилась Ритуля.

– Приезжай часов в восемь, поговорим, – отрезала строго Тина.

Тина добралась до офиса и сразу прошла в кабинет к начальнику.

Она работала с ним уже семь лет. Начав с младшего менеджера, по совместительству подрабатывала курьером и помогала в бухгалтерии – первичные документы, а еще выполняла функции секретаря и уборщицы – они тогда только-только начинали, и штат был совсем маленьким. Сейчас Тина занимала пост заведующей отделом и была правой рукой директора, давно уже называя начальство по имени и каких только испытаний не пройдя вместе с ним и его фирмой.

– Сережа, – начала она с порога, – мне нужен отпуск. Прямо сейчас!

– Ты что, Игнатова, охренела?! Какой отпуск?! – возмутился Сергей Владимирович Коротов. – Работы полно!

– Сережа, – она села на стул напротив него, – только что я застукала Лешку с моей подругой Людмилой в кровати во время неистового секса. Мне требуется время, чтобы все обдумать и успокоиться, работать я все равно не смогу, – ровным тоном объяснила Тина.

Он помолчал, посмотрел на нее внимательно, достал из папки чистый лист бумаги и протянул ей.

– Пиши заявление. Сколько тебе надо?

– Месяц.

– Тинка, ты меня без ножа режешь! Мне же придется половину твоей работы на себя взять! Быстрее ты не можешь успокоиться и подумать? – почти умоляющим тоном поинтересовался он.

– Не могу. Мне, наверное, и месяца мало будет!

– Сдурела совсем! Ни дня больше!

Она написала заявление и протянула ему. Сергей размашисто подписал, дав свое «добро», и проворчал:

– Вот говорил я тебе: выходи за меня замуж! А ты все своего козла обхаживала!

Был как-то такой эпизод в их жизни. Правда.

Однажды после корпоративной, шумной по обыкновению, пьянки Тина довезла начальника на такси к нему домой, и пока стягивала с него ботинки и укладывала на кровать, он жаловался на свою жизнь и звал подчиненную замуж, рассказывая, как она ему нравится. Поставив возле Сергея графин с водой, стакан и положив рядом пачку «алкозельцера», она чмокнула его в лоб и поехала домой к мужу. На следующий день Сергей извинился перед Тиной и о том разговоре никогда не вспоминал, до сегодняшнего дня. Теперь можно было над этим шутить, потому что два года назад начальник очень счастливо женился и любил свою молодую жену.

– Тебе деньги нужны? – спросил он почти с отеческой заботой.

– Наверное, нужны.

Сергей достал свой кошелек, не считая вытащил пачку купюр, все какие были, и сунул ей.

– Возьми, потом заедешь, отпускные получишь. И постарайся не расстраиваться сильно. Как ни банально это звучит, но всем было понятно, что он тебя не достоин. Я рад, что для тебя эта каторга закончилась. Езжай с глаз долой, пока я не передумал.

Вечером приехала Ритка. Выслушав подробный рассказ подруги, самому факту измены Лешки почему-то не удивилась, только возмутилась:

– Это так странно, что это была Людка! Мы же дружили, да и столько для нее сделали! Не понимаю! – поражалась она людской неблагодарности, посмотрела на Тину и заметила: – Ладно, я тебя знаю: дней через десять поговорим, когда ты со всем в себе разберешься. Только, прошу тебя, не отключай телефон, я буду звонить всего раз в день, обещаю! Узнать, как ты тут.

– Только не надо драм! Что со мной сделается?

– Да знаю я тебя! Начнешь себя во всем обвинять, вспомнишь трудное детство и придешь к выводу, что никому не нужна! Просто ты еще не встретила своего мужчину!

– А ты встретила? – усмехнулась Тина.

– Я тоже не встретила. Значит, у нас все впереди, подруга! Радуйся!

– Я попробую. Все, Ритка, иди, мне надо побыть одной.

Ритка обняла ее, поцеловала и, уже стоя в дверях, сказала:

– Ты не одна, чтобы ты помнила: у тебя есть я и Дениска, и мама с папой.

– Да, Ритуль, спасибо тебе.

На следующий день Тина собрала все вещи Алексея, выставила сумки в прихожую, позвонила ему на работу и попросила забрать их.

Он приехал вечером и с порога принялся отчитывать:

– Тина, ты дура! Зачем принимать скоропалительные решения?! Мы же семья, мало ли что бывает между людьми. Зачем все рушить? Я не понимаю!

– Леша, мы уже давно не семья и никогда ею не были, – устало разъяснила она. – Был только ты со всеми твоими желаниями, потребностями, бизнесом, капризами. Со всем только твоим, и все было посвящено исключительно тебе.

– Не надо, Тина, не изображай из себя жертву эгоистичного мужа!

– Леша, я не хочу ни о чем говорить! Все! Забирай вещи и желаю тебе счастья в жизни! Честно, очень искренне желаю тебе всего хорошего!

– Ладно, я понимаю, тебе надо успокоиться, подумать. Мы потом поговорим, – проворчал он.

– Лешка! Пошел в задницу! – с удовольствием послала его она и принялась активно выносить вещи из квартиры на лестничную площадку, торопясь выставить его из своей жизни.

Оставшись одна, Тина стала слоняться по квартире, то в одном углу, то в другом, пытаясь понять себя, свою жизнь, свои ошибки. Она старалась никого не обвинять, отодвинув на время Людмилу и этот ее поступок, чтобы расставить все по местам в голове, а не придумывать и примерять на себя маску несчастной обиженной жены.

Тину никто не тревожил – все знали эту ее привычку разбираться с проблемой в одиночестве и тишине, тщательно обдумывая все факты.

Но через несколько дней ее затворничество нарушили.

Утром раздался звонок в дверь. Тина никогда не спрашивала: «кто там?», за что ее всегда ругал Лешка, она просто открыла.

На пороге стояла Людмила.

– Тина, нам надо поговорить! – просительным тоном, вместо приветствия, заявила она.

– Я пока не могу с тобой разговаривать, извини.

Тина попыталась закрыть дверь, но Люда придержала ее рукой.

– Я так и знала, что ты еще не готова, но решила попробовать. – И попросила: – Ладно, хоть воды дашь? Жарко очень.

– Зайди, – подумав, кивнула нехотя хозяйка.

Тина пошла в кухню. Оказалось, что Людмила идет за ней и все-таки села за стол, пытаясь объясниться.

– Хотя бы выслушай! – быстро заговорила она. – Лешка меня просто пожалел. Я жутко разругалась с Витей, шла вся в слезах по улице, а он ехал мимо, остановился, усадил меня в машину и попытался успокоить. Ну а потом…

– Получилось?

– Что? – удивилась Люда.

– Успокоить. Получилось?

– Да, – пряча глаза, ответила Людмила. – Ты прости меня.

– Потом поговорим, я пока не могу.

– Тогда я пойду!

Закрыв за ней, Тина уперлась лбом в обивку двери и с тоской подумала:

«Это тоже надо пережить! Все равно с ней придется разговаривать, она обязательно появится еще раз! О господи!»

Тина решила, что ей срочно надо чем-то заняться, чтобы отвлечься от этого визита, отодвинуть его анализ на потом.

«Приготовлю-ка я обед!» – приняла она решение.

Тина все эти дни затворничества практически не ела горячего, обходясь кофе и изредка бутербродами.

Она замечательно готовила. Исключительно. Среди ее друзей и знакомых ходили легенды о ее кулинарных способностях. Щи были одним из ее фирменных блюд, на приготовление которых уходила масса времени, но результат всегда оказывался превосходным. Этими знаменитыми щами можно было вылечить даже самое злое похмелье. На них собирались целые компании, которые постепенно исчезли с появлением в ее жизни Алексея. Но, стоило ему уехать в командировку или в отпуск, узнав, что Тина готовит свои грандиозные щи, друзья съезжались к ней в дом, привозя водочку, грибочки и соленые огурчики, превращая ужин в посиделки до утра.

В дверь опять позвонили. Ах ты ж господи! И чего это она именно сегодня всем понадобилась?!

Оказалось, пришел их участковый. Весьма колоритная личность, надо заметить. Звали его Тарас Петрович Кучеря. Маленький, толстенький, кругленький, с пышными «хохляцкими» усами, с хитрым прищуром въедливых глаз, улыбчивый, усталый служака, лет под пятьдесят.

– Я опять к вам, Валентина Игоревна! – вместо приветствия начал извиняющимся тоном он.

Тина рассердилась – ну не до него ей сейчас, не до разборок кляуз соседей друг на друга! Она постаралась унять в себе всплеск негодования – все-таки это его работа, причем довольно тяжелая. Не по своей воле и не удовольствия ради он таскается по домам и квартирам.

– Проходите, Тарас Петрович, – пригласила она.

Они прошли в кухню. Он уселся на стул, как-то очень основательно уселся, расположился, можно сказать: пристроил на стол свою папку и демонстративно принюхался к запаху готовящейся еды.

– Мастерица вы готовить! Наслышан!

– А про это-то вы откуда знаете? – удивилась Тина.

– Так по специфике своей службы я о многом осведомлен! – хитро прищурился участковый.

– Хотите щей, Тарас Петрович? Им, правда, еще потомиться надо бы, но они уже готовы, – предложила Тина.

– Хочу! С превеликим удовольствием! – тут же весело согласился хитрый хохол.

Тина налила суп в большую тарелку и поставила перед гостем, выставила на стол сметану, блюдечко с зубчиками чеснока, плетенку с черным, как и положено к этому блюду, хлебом, нарезанным толстыми ломтями.

Тарас Петрович умудрялся одновременно кушать, покрякивать от удовольствия, крутя головой из стороны в сторону, подчеркивая степень вкусности, и говорить.

– Я по поводу вашего соседа Олега, Валентина Игоревна. Жалуются на него: музыка громкая до полночи, гости постоянно, шум. Что, балует парень?

– Да бросьте вы, Тарас Петрович, все вы знаете, – махнула на него рукой она. – Замечательный мальчишка! Такая трудная семья, а он не пьет, не колется, по притонам не шатается. В институт поступил, работает! И ребята к нему нормальные ходят, не шантрапа какая-нибудь. А что музыка громко – так они же

молодые, они тихо не умеют! Вы вот, когда молодой были, тоже наверняка на всю округу музыку врубали?

– Было дело, – признался он усмехнувшись и переспросил: – Значит, считаете, ничего криминального?

– Да вы лучше меня знаете! – негодовала немного Тина.

– Проверить я обязан, – вздохнув, напомнил участковый.

Он доел, не отказался и от добавки, нахваливая ее мастерство. Они поговорили о происшествиях в округе, о соседских сварах. Тарас Петрович пожаловался на жизнь, маленькую зарплату, огромный участок, повздыхал и наконец отбыл, поблагодарив за щедрый обед и понимание его проблем.

Проводив его, Тина с удовольствием поела и сама, первый раз за все это время по-настоящему пообедав. С удивлением обнаружила, что, по обыкновению, приготовила очень много, и прикинула, что с этим добром теперь делать.

«Буду есть всю неделю!» – решила оптимистично она.

Вымыла посуду и вернулась к своим непростым мыслям.

А вечером устроилась на своем любимом месте – на полу, напротив входной двери, с чашкой кофе и сигаретой, где Тину и застал звонок следующего незваного гостя.

«Да что же это такое?! Прямо день открытых дверей! Им тут музей, что ли?! – подумала Тина и поинтересовалась у себя: – Может, не открывать?»

Звонок повторился громко и весьма настойчиво, она поднялась с пола и, поколебавшись еще мгновение, все-таки открыла.

– Я понимаю, что это нетактичные вопросы, но вынужден их задавать, – вернул ее к действительности низкий голос следователя.

– Извините! – встрепенулась Тина, поняв, что надолго замолчала. – Я не ухожу от ответа, просто задумалась.

Она помолчала и вдруг спросила:

– Артем Константинович, вы сегодня обедали?

– Нет, а что? – удивился он.

– Давайте я вас накормлю обедом или, скорее, уже ужином.

– Взятки должностному лицу? – усмехнулся Артем.

– Горячим обедом? – переспросила она и пояснила: – Нет, просто попытка накормить голодного мужчину. И потом, пока вы ужинаете, мне будет проще отвечать на ваши вопросы, а то как-то очень официально получается. А вопросы вы задаете щекотливые.

Он удивился еще больше этой ее откровенности.

Беркутов призадумался – есть ему хотелось страшно, аж подсасывало в животе, – он мотался сегодня целый день, не успев даже перекусить на ходу, но у него в кармане лежали «вещдоки» с места происшествия, указывающие прямо на хозяйку квартиры. И предъявлять обвинение после сытого ужина и гостеприимного радушия было бы более чем некрасиво.

И еще он был сильно раздосадован нестыковкой ее образа и психологического портрета, который уже себе сложил в голове, с самим происшествием.

Раздражаясь еще больше, оттого что придется отказаться от предложенной еды, ароматы которой он чувствовал только войдя в кухню, Артем подумал:

«Ну что тебе, вот такой умнице, красавице, сильной, интересной, нужно прямо вот так до убою от мужика?! А?! Бабки? Или такая офигенная любовь?! И мужик-то так себе, был бы хоть с характером! Вот какого тебя во все это потащило, девонька?!»

От этих мыслей, от искреннего недоумения, как такая вот женщина могла решиться на криминальный поступок из-за совершенно неинтересного, дешевого мужичонки, у него с новой силой свело желудок.

Артем уж собрался резко ответить отказом, переводя разговор из дружеской беседы в рамки холодного допроса, но хозяйка его опередила.

– Соглашайтесь, Артем Константинович! Что вы так задумались? Вы же голодный. До вас один мужчина уже попробовал, ему очень понравилось, честное слово, – улыбалась дружески она.

– Какой мужчина? – осторожно уточнил Беркутов.

– Участковый приходил, – пояснила она, – Тарас Петрович Кучеря, поговорить о делах житейских. Так уплетал щи за милую душу, еще и добавки попросил. – И почти серьезно поинтересовалась: – Или об этом нельзя говорить, тоже считается взяткой должностному лицу?

Удерживая готовое хлынуть, как прорвавшаяся плотина, облегчение, мысленно останавливая преждевременную радость, Артем ответил:

– Можно. – И искренне улыбнулся. – Участковому можно. А во сколько он приходил?

Сердце замерло в ожидании ответа. Осознав, что даже дыхание затаил, Артем одернул себя: «Ты чего это, Беркутов? Что за эмоции? Остынь!»

– Это важно? – вглядываясь в выражение его лица, серьезно спросила Тина.

– Да!

– Так. Я попробую сообразить. – Она задумалась, вспоминая. – Я как раз приготовила щи и сверяла время, чтобы они настоялись.

«Ну давай, девочка, не подведи меня!» – просил про себя Артем.

– Около часа дня, – задумчиво сказала она и тут же заявила совершенно уверенно: – Нет, в час, точно! Мы поговорили минут сорок, и он ушел. А что случилось-то?

– Ничего страшного, – ответил Артем, поражаясь облегчению, которое испытал, и почти радостно согласился: – Давайте! Давайте ваш обед или почти ужин! С удовольствием отведаю, раз вы предлагаете! Только, не обижайтесь, я позвоню, поговорю с вашим участковым.

– Пожалуйста, если это так важно.

Тина принялась хлопотать: разогревать еду, накрывать на стол, а он тем временем достал записную книжку, нашел телефон местного отдела милиции и позвонил. Разговаривая с Тарасом Петровичем, Артем незаметно наблюдал за Тиной и думал. С чего это он так реагирует? Откуда эмоции? Он профессионал и никогда не позволял себе во время работы чувств. Конечно, они возникали всегда, но он умел загонять их очень далеко, абстрагироваться, чтобы не мешали трезвой оценке ситуации, и выпускал только после окончания дела, разрешая себе симпатии, антипатии, жалость и злость.

– Спасибо, Тарас Петрович, – закончил он разговор.

Щи оказались очень, ну очень вкусными, ничего подобного он не пробовал в своей жизни. Шедевр какой-то! И этот штрих Артем добавил к портрету подозреваемой как немаловажный.

– Это просто фантастика! – похвалил Артем.

– Спасибо! Приятного аппетита, – пожелала она и предложила: – Давайте я попробую ответить на ваши вопросы.

– Давайте.

– Вы спросили: почему мы расстались?

– Да.

– Причина самая простая: обнаружилось, что мы чужие люди. Просто я долго себе в этом не признавалась. Я вот отпуск взяла, чтобы разобраться во всем, и уже две недели пытаюсь по местам расставить в голове прошлое и настоящее. Попробую вам коротко сформулировать.

– Можно и пространно, – усмехнулся он.

– Мы никогда не были близкими и родными людьми. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Надеюсь, но поясните.

– Не было такого родства душ, что ли? Да и любви настоящей никогда не было. Сначала Лешка строил свой бизнес и все крутилось вокруг этого, и не до копаний в собственных чувствах тогда оказалось – вкалывали оба, уставали так, что имелась только одна мечта – выспаться. Потом, уж когда он встал на ноги, как-то все вошло в привычную колею – у него своя работа, у меня своя. Но последнее время мне стало тяжело рядом с ним. Я все чаще смотрела на него и удивлялась – совершенно чужой мне человек, почему же мы живем вместе? Интересы разные, восприятие жизни разное, даже юмор разный. Я раньше этого не замечала, занятая бесконечной работой, бытом. Даже странно.

Тина замолчала, обдумывая, как объяснить правильно то, что она поняла и осмыслила за последние две недели про их с Лешкой жизнь.

– Значит, подумали и решили расстаться? – уточнил Артем.

– Да нет, нашелся веский повод.

– Какой же?

– Банальный, – усмехнулась невесело Тина. – Я случайно приехала днем домой и застала Алексея в постели с моей подругой.

– Да уж, действительно, банальный, – хмыкнул следователь.

Он опросил всех на работе Алексея. И с удивлением выяснил, что Тину там очень хорошо знали и ценили; оказывается, госпожа Игнатова много сделала для их фирмы. Особые дифирамбы ей пели два полноправных партнера ее мужа. И никто словом не обмолвился об упоминаемом Тиной «эпизоде»! Значит, не знали. Наверняка бы какая-нибудь из сотрудниц «порадовала» такой пикантной новостью. Это уж сто пудов.

«Интересно», – отметил Беркутов.

– Как зовут эту подругу?

– Людмила Викторовна Шлях.

– Как давно вы дружите?

– С института. Мы с ней учились вместе, в одной группе. Дружили. Не так чтобы поверять все свои секреты, но довольно близко.

– Она живет в Москве?

– Да.

– Как давно?

Тина вздохнула, она поняла, что придется рассказать, хотя бы коротко, об их отношениях с Людмилой.

– Когда мы с Риткой более-менее встали на ноги, выбрались из нищеты и могли себе позволить хоть чуть-чуть помогать родителям, я поехала с Дениской – это Ритин сын – навестить наших родителей. Там случайно встретила Людмилу, она работала продавцом в коммерческом ларьке. Мы разговорились, и оказалось, что они ужасно трудно живут. Людмила рано, в восемнадцать лет, вышла замуж и сразу родила. Муж ее, Виктор, бросил институт и стал шоферить, пытаясь их прокормить. Мы на почве детей и сдружились с ней сильнее – у нас Дениска, у нее Альбина, мы часто и по врачам детским вместе ходили. После института никаких связей не поддерживали, а тут встретились, и я очень за них расстроилась. Люда спросила, нет ли у меня на примете какой-нибудь работы

в Москве, чтобы нормально зарабатывать. Когда я вернулась в Москву, то стала искать, куда бы ее пристроить на хороший заработок. Помогла Ритка – у нее был клиент, который искал себе менеджера на фирму, он только что уволил одну сотрудницу. Мы Людмилу сразу вызвали, послали ей деньги на дорогу. Она прошла собеседование, и ее приняли. Чуть позже Ритка уговорила этого своего клиента взять и Виктора шофером. Мы договорились со своей бывшей квартирной хозяйкой в коммуналке, которую снимали раньше, и она взяла Люду с Витей туда жить, мы с Риткой заплатили половину квартплаты за три месяца, пока ребята на ноги не встанут. Витя до сих пор работает на этой фирме, хорошо зарабатывает, а Люда ушла с повышением в деньгах и в должности на другую фирму. Альбинку они давно перевезли к себе. И все у них наладилось… – Тина задумалась. – Хотя, судя по последним событиям, не так уж наладилось. Но это дела семейные.

– Вы кому-нибудь рассказывали об инциденте? – продолжил опрос Артем.

– Нет, конечно, только Ритке и Сергею пришлось объяснить.

– Сергей – это кто?

– Это мой начальник, но он Людмилу не знает. Понимаете, Люда с Виктором часто ругаются, но все равно всем понятно, что они никогда не расстанутся. У них нормальная семья, ну любят они повыяснять отношения, не обращая внимания на окружающих, это было у них всегда. Но даже мысли о разводе оба не допускают. Они так живут. Витя – он спокойный, надежный, трудяга, Альбинка у них замечательная. Конечно, я никому не расскажу про измену, и Людка об этом знает. Зачем разрушать семью?

– А как ваш муж объяснил связь именно с вашей подругой?

– Никак. Мы об этом не говорили.

– А Людмила как все объяснила?

– Я пока не готова с ней общаться. Она приходила, именно сегодня, пыталась что-то объяснить, но я особенно не слушала. Немного времени пройдет, мы и поговорим. Хотя это уже ничего не изменит.

– Это точно. А Рита, как я понял, еще одна ваша подруга?

– Да, она мне как сестра – мы выросли вместе, Дениску, это ее сын, растили вместе. Это совсем другие отношения.

– Понятно. И в Москве вдвоем жили?

– Да, но это длинная история.

– Хорошо, вернемся к нашей теме.

– Что все-таки случилось, Артем Константинович? – тревожно спросила Тина.

– Я вам обязательно объясню, но позже. Расскажите, пожалуйста, как Алексей начал свой бизнес?

– Артем Константинович, – усмехнулась саркастически она, – бывшие мужья и жены – это не очень надежные свидетели: можно такого наговорить! Потом, каждая из сторон при разводе считает себя пострадавшей и обиженной, как водится.

– Вы правы, но мы опрашиваем и друзей, и знакомых, и родственников, и из всего этого складывается общая картина.

– Нелегкая у вас работа.

– Что есть, то есть. И все-таки, как начиналось его дело?

– Их было трое, в общем, трое и осталось по сей день. Они все однокурсники. Идея принадлежала Александру Батурлину. Сашка случайно, во время какой-то выставки, познакомился с немецким представителем компании по производству аксессуаров для автомобилей, и тот предложил ему – ищите деньги, а мы на выгодных для вас условиях будем поставлять свою продукцию. Он с этой идеей прибежал к нам с Лешкой, они вызвали Юрика Ревина, третьего партнера, и стали думать, что делать. Вообще, вся их фирма рождалась у нас на кухне, мы тогда еще жили на съемной квартире, на «Южной». Юрик предложил взять кредит в банке, заложив квартиры родителей. Это было очень рискованно,

но они это сделали. Переговоры с Германией уже вовсю шли, а юридического лица у них еще не было. Лешка предложил просто купить «толкушку», ну знаете, что это такое – печать левой фирмы для разовой сделки. Все трое согласились, и мне пришлось целые сутки их уговаривать не делать глупостей, а официально открыть свою компанию и оформить все документы как положено. Они настойчиво звали меня работать у них бухгалтером, я тогда уже занималась бухгалтерией помимо своей основной работы, но я отказалась. Нет, конечно, всю начальную бухгалтерию я им вела, но с работы уйти не могла – мы бы с Лешкой с голоду умерли. Потом, через два года, когда объем работы стал очень большим, я «сосватала» им Нину Илларионовну – замечательную женщину и гениального бухгалтера.

– А что с начальным капиталом, как они его распределили?

– Здесь тоже без боя не обошлось. Они почувствовали деньги на руках и решили все сразу, скопом, вложить в первую поставку. Такая эйфория людей, начинающих бизнес и торопящихся как можно скорее получить прибыль. Пришлось заставить их сесть, посчитать до запятой, кто сколько вкладывает, вычислить, соответственно, проценты участия каждого. Привела Ритку, она юрист по гражданским делам, очень грамотный юрист. Рита помогла составить документы, где оговаривалось все до мелочей – вклад каждого, потенциальная должность, права, обязанности, выход из фирмы – все. Они сопротивлялись, ныли: «Мы друг другу доверяем на все сто, никто никого не подставит!» Сами знаете, как это бывает обычно, но я настояла. Просто за время работы бухгалтером – одно время я вела сразу три мелкие фирмы, деньги нужны были, – я такого насмотрелась: как распадаются фирмы и вчерашние друзья только что не стреляют друг друга. Поэтому и настояла: «Вы должны договориться здесь, «на берегу», и договориться железно, иначе потом утонете в разборках». Паи у них были одинаковые, и все трое стали полноправными совладельцами. Вот так они и начинали. Первые три года было очень тяжело – сначала отдавали кредиты, потом все деньги вкладывали в развитие. В конце третьего года они позволили себе потратить какие-то деньги на себя.

Артем слушал, делал в блокноте какие-то пометки.

– На что они жили эти три года?

– Юрика содержали родители, они в него верили и во всем поддерживали, Саше помогали родители его и жены, да и Света, его жена, работала все это время, а мы с Лешкой жили на мою зарплату.

– У них были серьезные разногласия?

– Разногласия есть у всех и всегда, но серьезных – нет, никогда, насколько я знаю. Ну покричат, доказывая каждый свое, но всегда приходили к единому мнению. У них очень здорово сложилась команда – Саша явный лидер и руководитель, Юрик пробивной, пронырливый, может достать все что надо, умеет ходить по кабинетам и добиваться нужных бумаг, а Лешка исполнитель, ему надо поставить задачу, и он будет кропотливо претворять ее в жизнь. Они друг друга дополняют идеально, поэтому у них и дела идут в гору.

– Последнее время были ли у них трудности? Может, «наехал» кто-нибудь, может, денежные недоразумения?

– Насколько мне известно – нет. Но я давно не интересуюсь их делами, не то что не интересуюсь, но не вдаюсь в подробности. Хотя, если бы что-то серьезное было, я бы знала. Так что все-таки случилось?

– Я объясню, только ответьте еще на несколько вопросов.

Артем не хотел об этом спрашивать, но все-таки спросил, оправдываясь перед собой тем, что это необходимо для полноты картины:

– Как вы познакомились?

– Как обычно – в гостях у общих знакомых. Была свадьба моей коллеги по работе, естественно, присутствовала вся наша фирма – тогда у нас был начальный период становления и людей работало еще мало, но все очень дружили. Лешка оказался гостем со стороны жениха. Так и познакомились, он принялся за мной ухаживать, а через полгода мы стали жить вместе.

Не удержавшись, Артем спросил:

– А почему вы стали жить вместе? Это была большая любовь, я имею в виду, с вашей стороны?

Тина задумалась. Для себя она уже нашла ответ, расставив все по местам и нужным полочкам и честно признаваясь себе во всем.

Все дело в ее детстве.

Она могла бы написать целый трактат, что-то вроде «Пособие для толстых девочек, или Как выжить среди сверстников». Тина в детстве была толстой – для подростка это приговор! Практически смертельный.

Как-то мама сказала ей:

– Знаешь, когда вылупляются кукушата, то самый сильный из них выпихивает из гнезда более слабых птенцов, и не потому, что он плохой, а потому, что в нем срабатывает инстинкт. Так у него больше шансов выжить. В детях гораздо сильнее, чем у взрослых, развиты инстинкты, и их жестокость продиктована чем-то примитивным, на уровне выживания. Если кто-то из сверстников физически или умственно не соответствует принятому стандарту, значит, его надо уничтожить – больше шансов пробиться самому. Я уверена, что твоя полнота пройдет сама собой, ты ее перерастешь, а сейчас тебе просто надо выстоять и не озлобиться.

Мама оказалась права – после семнадцати лет фигура Тины начала стремительно меняться, а в восемнадцать о былой полноте напоминали только фотографии и комплекс неполноценности, оставшийся на всю жизнь.

Тина нашла свой способ защиты от жестокости сверстников – утвердилась, став лидером класса, а потом и всей школы. За ней никогда не ухаживали мальчики, никто не носил ее портфель и не провожал домой. Нет, в гости к ней ходили постоянно, но целой компанией, чтобы обговорить и воплотить в жизнь ее очередную идею – спектакль, концерт, маскарад, пикник и еще много, много всяких придумок, которые сыпались из нее как из рога изобилия. Все мальчишки числились друзьями: Тина раз и навсегда решила, что романтическая влюбленность со стороны мужского пола – это не для нее. Одноклассники уважали ее, дружили с ней и даже защищали, если кто-то со стороны пытался

ее обидеть, но их первые романтические чувства были направлены совсем на других девочек.

Тина выстояла! Ее фантазии, энергии, умения воплотить в жизнь самые невероятные проекты хватило на то, чтобы достойно выжить среди сверстников, но комплекс толстой, неинтересной девочки остался навсегда.

После ухода Алексея Тина слонялась по квартире, все размышляя и размышляя и пытаясь ответить себе на вопрос – почему?

Почему так долго жила с этим человеком, почему не хотела видеть реальность – его слабость, безволие, жадность, трусость? Почему терпела бесконечные мелкие придирки, вечное ворчание и недовольство?

От них разбегались друзья – мало кто мог выдержать постоянные указания, как надо что делать. Алексей никогда не готовил, но всегда приходил на кухню, когда Тина стояла у плиты, садился на стул и поучал – лук надо резать мельче, сильно не зажаривай, убавь огонь под кастрюлей и т. д. Он никогда не стирал, но приходил в ванную, когда Тина там вручную стирала белье, и давал указания – здесь надо сильнее тереть, ты неправильно выжимаешь. Он очень редко мыл посуду, но всегда ворчал – ты слишком много наливаешь моющего средства, мало ополаскиваешь тарелки. И так далее и так далее…

Первые два года Тина раздражалась, скандалила с ним из-за этого, бросала все и предлагала делать самому, раз он лучше знает, а потом махнула рукой и просто перестала слышать, решив для себя: «А пули летят, пули шальные летят и не очень!», пропуская мимо, как эти пули, занудство гражданского мужа.

Он давно перестал быть ей интересен как человек, как личность. Ей было с ним откровенно скучно – Лешка почти ничего не читал; кино, театры оказались ему не интересны.

Путешествия – это вообще отдельная статья!

Дважды съездив с ним за границу – в Прагу и в Вену, – она зареклась на веки вечные куда-нибудь совместно ездить! Он экономил на всем. Оплачивая счет в ресторане, Лешка расстраивался так, что ей приходилось часа два отвлекать его от этих мыслей. Но это цветочки! Каждый вечер, когда Тина уже лежала в кровати, Алексей ходил по номеру и отчитывал спутницу:

– Ты знаешь, сколько мы сегодня потратили?! Мы не можем позволить себе такие траты – мой бизнес только развивается, все деньги надо вкладывать туда!

Отвечать было совершенно бесполезно и спрашивать, какого черта ты вообще тогда поехал, тем паче. Она и не отвечала и очередной раз, махнув рукой на Лешкин характер, стала ездить с Риткой и Дениской, благо к тому времени зарабатывала уже неплохо и могла себе это позволить.

Леша был прав, когда обвинил Тину в том, что она сама виновата в его измене, – они давно не спали вместе, ей это тоже давно перестало быть интересно с ним, да, если честно, никогда не приносило особой радости.

Конечно, она виновата! А кто еще?

Сейчас, закрывшись в квартире от всех, Тина перебирала эти бесконечные мысли, ясно и четко видя всю картину, как будто вымыла грязное окно и наконец рассмотрела улицу.

У Тины появилось ощущение, будто она отмывает себя изнутри, честно признаваясь себе в том, что долгие годы не хотела замечать. Ей было так тяжело, что она не могла ни лежать, ни ходить. Она брала чашку с кофе, сигарету и устраивалась на полу – вытянув ноги и опираясь спиной о стену. Сидела все время в разных углах, перемещаясь по комнатам квартиры. Ее любимым местом стала прихожая – девушка садилась в угол на пол, напротив входной двери, и часами раскладывала в своей голове все по порядку, стараясь не поддаваться жалости к себе и не врать. Она очень не любила, когда в помещении пахло табаком, поэтому открывала все окна и двери нараспашку, и по квартире гулял свободный августовский ветер, успокаивая ее шелестом штор и газетных страниц.

Когда Тина поступила в институт, вокруг нее вдруг обнаружилась целая толпа поклонников. Тина стала очень интересной девушкой. В ней появились какая-то утонченность, изысканность и тайна.

В ее жизни толстушки было одно преимущество – зная, что не может интересовать противоположный пол как девушка, Тина воспринимала парней иначе, чем ровесницы, видела их характеры, привычки и истинные мотивы очень четко. Не забивая себе голову размышлениями на тему «понравилась я ему или нет?», она присматривалась, слушала, пытаясь понять, что это за человек. Наверное, поэтому понимала мужчин гораздо лучше, чем многие женщины.

Она видела, что все эти мальчики, танцующие перед ней, – это всего лишь молодые стрекозлы, у которых гормоны только из ушей не лезут. И все, что им нужно, – это как можно больше секса с как можно большим количеством женщин. А если девушка еще и интересная, недоступная и красивая, то можно и наизнанку вывернуться, чтобы завоевать, – что-то типа спорта.

Себя красивой и интересной она категорически не считала и отделывалась шутками. Правда, на третьем курсе Тина решила вкусить «прелести» секса, не отставая от других. К тому времени поклонников сильно поубавилось, мало кто мог выдержать ее язвительный острый язычок и холодный тон. Ее называли «Тина – льдина». Из наиболее стойких ухажеров она выбрала того, кто был ей хоть как-то интересен.

Месяц они не вылезали из постели, но для себя Тина так и не поняла, почему вокруг этого столько шума. Когда ей окончательно стало скучно, она рассталась с партнером, с недоумением пережив сцены ревности и попытки ее вернуть, честно считая, что он что-то там перепутал в своих мужских мозгах, – она совсем не та женщина, из-за которой можно страдать или которую хочется вернуть.

Поняв все про постель, как ей тогда казалось, она полностью ушла в учебу, закончив институт с красным дипломом и окончательным диагнозом «Тина – льдина».

Вся ее совместная жизнь с мужем строилась на ее бесконечном извращенном чувстве благодарности и долга ему. Да потому что это был первый мужчина в жизни Тины, который сумел убедить ее в том, что она нужна кому-то не просто как личность, но и как интересная женщина.

Он долго и упорно за ней ухаживал, восхищался ее умом, ее очарованием, оглушив своим напором. Он признался ей в любви и делал это так часто, что она поверила. Поверила и прониклась такой благодарностью, которая затопила ее разум на долгие годы, породив бесконечное чувство долга перед Алексеем за то, что он разглядел ее настоящую и полюбил.

Как гипноз, вернее самогипноз.

Ну хорошо, а ему-то что от нее надо было? Или он действительно так любил Тину? Нет, не любил, это сейчас совершенно понятно, он просто не умеет этого. Леше нужна была сильная женщина рядом, и неосознанно он искал именно такую, которая будет толкать вперед, брать на себя ответственность, вытирать сопли, принимать все его капризы и тащить, тащить, посвящая всю себя этому мужчине. Алексей, как тот слабый кукушонок, чувствовал, что самому ему не выжить и не справиться, ему нужен кто-то сильный и желательно вечно благодарный.

Вот он и нашел Тину!

Да! Плохую шутку сыграло с ней детство!

Артем смотрел на нее, не мешая ей думать.

Он не понимал, почему не послал Гришкиных ребят просто арестовать ее – для этого имелись все основания, почему поехал к ней сам, без звонка и предупреждения. Он был готов к тому, что ему придется лично задержать подозреваемую, как говорится, «до выяснения», но что-то помешало такому прямолинейному решению с самого начала. Артему не понравился ее муж, ах да, извините, бывший муж. Это его лепетание, бегающие перепуганные глазки, слегка повизгивающий от страха голос. Ему сразу все не понравилось в этом мужике и в этом деле. Что-то подсказывало, что, просто поговорив с подозреваемой, он узнает гораздо больше, чем арестовав, и не ошибся, впрочем, как всегда, прислушавшись к своей интуиции.

– Я задал сложный вопрос? – все-таки поторопив ее, спросил следователь.

– Да непростой, – ответила Тина.

Она встала, достала с полки сигареты и закурила.

– Нелегко говорить на такие темы. Одно время я увлекалась психологией и изучала массу специальной литературы. Так вот, психологи утверждают, что большая часть наших проблем тянется из детства. Не знаю, как там большая, но у моего замужества точно ноги растут оттуда.

– У вас было трудное детство?

– Трудное! Но не в смысле голодное или проблемы с родителями – здесь как раз все в полном порядке. Родители у меня просто замечательные! Но. Я была толстой все свое детство, до самого института. Сильно толстая! Представляете?

Он представил! Он представил себе ее подростком – толстенькой, пухленькой девочкой, и улыбнулся.

– Вот-вот! Никаких мальчиков, ухаживаний, влюбленностей. Никаких красивых платьев – только прямой силуэт, каблуки нельзя, короткие юбочки тоже. Девочка-изгой! У меня была одна-единственная настоящая подруга – Ритка, и осталась на всю жизнь.

– И какая связь между вашим детством и замужеством?

– Я всегда точно знала, что не могу заинтересовать противоположный пол. В институте у меня неожиданно оказалось много ухажеров, но все их ухаживания носили весьма однозначный характер, и поэтому было скучно и не интересовало меня. А Лешка стал первым мужчиной, который всерьез и настойчиво доказывал мне, что я ему интересна и нужна не только как личность, но и как женщина, и он миллион раз признавался мне в любви, пока я не поверила. Я была ему бесконечно благодарна за это.

«Ну да! Понятно! – подумал Артем. – И содержала три года, пока он изволил бизнес с товарищами поднимать, и работала на их фирму бесплатно!»

Он уже понял многое про хозяйку дома и был уверен, что она вкалывала на этого мужика, на его капризы, жизнь, бизнес, все пять лет их совместной жизни.

– Скажите, Тина, эту квартиру купил Алексей?

– Нет. Когда нас прижало с деньгами, то выбор был небогатый – либо идти к его родителям, они живут в ближайшем Подмосковье, либо что-то придумывать. На оплату съемной квартиры уходила половина моей зарплаты. Лешка ныл, уговаривал меня поговорить с моими родителями. Ну я и сдалась. Дело в том, что у моих родителей была шикарная четырехкомнатная огромная квартира, доставшаяся папе от дедушки. Мой дедушка был в нашем городе, да и вообще в стране, личность известная. Легендарный боевой генерал, вот государство ему и дало генеральские апартаменты в сталинском доме. Ну я и попросила родителей поменяться на Москву или продать квартиру, а купить что-нибудь здесь. Они согласились, но при одном условии, на котором настояла Ритка: эту квартиру оформят на них. Что мы и сделали. Я здесь прописана, а квартира принадлежит родителям.

– А где живут они?

– Они живут с бабушкой, маминой мамой, в двухкомнатной квартире. Переезжать в Москву отказались. На оставшиеся от покупки деньги мы сделали ремонт. А элементы евродизайна и мебель – это Леша оплачивал.

– Понятно.

– Артем Константинович, я ответила на все ваши вопросы?

– Почти.

Он достал из кармана целлофановый пакет, в котором находилась какая-то ткань, и протянул Тине.

– Это ваша вещь?

Тина вытащила из пакета и развернула красивый шелковый шарфик.

– Да, моя. Его Лешка привез из Германии, ему немцы презентовали для супруги. Это авторская работа, роспись по шелку, и он существует в единственном экземпляре. Мне надо спросить, откуда он у вас, или вы сами расскажете?

– Расскажу. Сегодня в тринадцать тридцать на вашего бывшего мужа – Алексея Ивановича Потапова – было совершено покушение. В него стреляли из пистолета. Преступника пытались задержать, но он сумел скрыться с места преступления, оставив в руке у охранника этот шарф.

– Так, – сказала ошарашенная Тина. – Лешка жив?

– Да. И сильно не пострадал: две пули навылет в мягкие ткани, одна по касательной. Он в порядке, в сознании и очень скоро поправится. Я с ним беседовал. Тина, можно попросить еще кофе?

– Да, конечно! – Она быстро поднялась, но остановилась, не дойдя до плиты, и спросила: – Может, чего-то покрепче? Не хотите водки под добавку щей на закуску? А?

Артем задумался. В принципе, это не лезло уже ни в какие ворота – он вел допрос, правда, без протокола, но, с другой стороны, он понимал, что Тина, наверное, в шоке от известия. Да, что-то сегодня он весь день поступает вопреки логике и правилам ведения следственных мероприятий, а заодно и всем инструкциям, вместе взятым.

– Тина, вы хотите выпить, но вам неудобно одной? – прямо спросил он.

– Вы угадали. – И пояснила: – Вообще-то я редко употребляю, но знаете, не каждый день сообщают, что твоего бывшего пытались застрелить.

– Да, не каждый, – согласился Беркутов и махнул рукой, посылая про себя все подальше. – А давайте! С удовольствием съем добавку ваших щей. Очень уж вкусно, просто великолепно.

– Спасибо, – поблагодарила она и попросила: – Вы рассказывайте, а я накрою на стол.

– Это очень странное покушение, – начал подробнее объяснять следователь. – Если в бизнесмена стреляют, то его, как правило, убивают. А тут или очень нерадивый стрелок какой-то попался, или, наоборот, снайпер. Сразу все непонятно и нелогично. Но вы наверняка знаете, что офис, который занимает фирма Алексея, находится в одном подъезде с очень серьезной государственной конторой. Один из высокопоставленных чиновников внешне весьма похож на Алексея Ивановича: такое же телосложение, рост, цвет волос. Нам стало известно, что их часто путали в коридоре здания.

– Да, мы всегда шутили над Лешкой, мол, уйдешь с работы – пойдешь к нему в двойники.

– Вот именно! И машины у них часто стоят рядом, правда, у чиновника есть шофер, но это не важно. Сразу возникла версия, что ждали этого господина, вот там как раз есть за что стрелять: он отвечает за большие финансовые потоки, вы, наверное, знаете. А где бюджетные деньги, там всегда что-то кому-то надо. Есть предположение, что в последний момент стрелок понял, что обознался, но все равно стрелял – не убить, так лишний раз напугать. Поэтому дело передали нам, в Генеральную прокуратуру.

Пока Артем рассказывал, Тина, внимательно слушая, разогрела еду и, разлив по тарелкам, поставила на стол. Выложила в вазочку маленькие соленые огурчики, поставила сметану, хлеб, две рюмки, достала из морозилки бутылку дорогой, редкой марки водки и передала Артему.

– Ого! – удивился он, рассматривая этикетку.

– Мой папа всегда учил, – пояснила она, – в доме, в котором уважают и любят своих гостей, обязательно должны быть три вещи: бутылка очень хорошего коньяка, бутылка самой лучшей водки и пачка самых лучших, настоящих сигарет.

– У вас очень мудрый папа!

– Да, мне повезло!

Артем разлил водочку по рюмкам и предупредил:

– Не больше двух рюмок, – и поднял одну из них, как бы поясняя размер посуды: грамм по двадцать, не больше.

Тина кивнула, соглашаясь, и посоветовала:

– Вы закусывайте водку щами, они разогреты именно до нужной температуры, чтобы быть закуской.

Они выпили, закусили, и Артем восхитился:

– Это что-то невероятное! Я теперь понимаю профессора Преображенского. За такую водку и закуску можно душу продать!

– Спасибо! Это не обязательно, лучше рассказывайте.

– Ну что ж, не хотите душу, расплачусь рассказом. С самого начала для меня в этом деле было много непонятного. Во?первых, стрелок долго стоял возле подъезда и ждал. На него обратили внимание несколько человек, но это центр, Китай-город, там полно офисов, рядом нотариальная контора. Поэтому никто и не придал значения появлению незнакомца – ну стоит человек в тенечке, кого-то ждет. Во?вторых, он был очень странно одет – не то женщина, не то мужчина, не поймешь. В?третьих, он оставляет шарфик в руках охраны и окурки на том месте, где стоял. Сигареты женские, которые мало кто курит, без следов губной помады.

Артем глянул на ее ненакрашенные губы, и на него внезапно нахлынули совсем нерабочие мысли. Сидеть стало неудобно.

«Ты что?! Опупел?!» – мысленно прикрикнул на себя ошеломленный Беркутов, поражаясь такой реакции. Артем взял бутылку и налил еще по одной, поднял свою рюмку, предлагая Тине присоединиться. Они чокнулись, выпили. Он доел щи и поблагодарил:

– Большое спасибо! Очень вкусно!

Тина убрала его пустую тарелку. Артем достал из кармана сигареты, жестом спросил у хозяйки разрешения, получив которое с удовольствием закурил,

расслабляясь и чувствуя приятную, добрую сытость.

– Шарф ваш сразу опознали сотрудники потаповской фирмы, и я уверен на сто процентов, что анализ окурков будет идентичен с теми, что лежат сейчас в вашей пепельнице. Вы ведь курите именно эту марку сигарет?

– Да.

– Тогда ответьте мне, Тина, кто может иметь причины вас подставить? – задал он вопрос почти задушевным тоном.

– Никто! – сразу ответила она.

Артем внимательно посмотрел на девушку и вкрадчиво спросил:

– Вы хотя бы понимаете, осознаете, как вам невероятно, сказочно повезло, что именно сегодня и именно в час дня у вас находился в гостях участковый?

– Артем Константинович, я, конечно, сильно обескуражена, но у меня нет врагов в прямом понимании этого слова, – уверила следователя Тина. – У каждого человека, разумеется, есть кто-то среди знакомых, кто его недолюбливает или кому он не нравится, имеются такие и в моем окружении, это понятно. Но чтобы так! Нет, таких нет, да и зачем?

– Тина, этот человек вас хорошо знает. Ему известны ваши привычки и то, что вы разошлись с мужем и теперь целыми днями сидите дома одна, размышляя о жизни, и то, что никто не сможет подтвердить вашего алиби. Или он специально долго следил за вами и наводил справки, что, если честно, маловероятно. Он точно вхож в ваш дом: ведь где-то он взял этот шарф и окурки. И, кстати, когда последний раз вы надевали этот шарфик?

– Давно, весной, может, в мае, лето ведь, жара. Вы меня пугаете, Артем Константинович, – призналась Тина и принялась рассуждать: – Я не могу понять, кому это надо и зачем? Бред какой-то! Деньги? Да какие у меня деньги: зарплата, ну приличная, но не тысячи же долларов?! Квартира родителей, джип Лешкин. К Лешкиной фирме и его делам я не имею никакого отношения, к его деньгам тоже. Любовников у меня отродясь не бывало: я это не практикую,

мужиков ни у кого не отбивала в жизни. Может, какая дама имеет виды на Лешку? Так логичнее было бы подставлять меня, пока мы жили вместе, а сейчас-то зачем, ведь все знают, что мы расстались и он теперь совершенно свободен для новых отношений. Нет, что-то здесь не то, Артем Константинович!

– Вы не волнуйтесь, Тина, мы разберемся. Но вы должны четко отдавать себе отчет, что сегодня были главной и единственной подозреваемой в покушении. К тому же стрелок оказался похож на вас ростом и телосложением. Вот так! У вас есть пистолет?

– Нет! Зачем?

– Ладно, Валентина Игоревна, на сегодня все. Мы с вами еще встретимся и запротоколируем некоторые вопросы. Если вам не трудно, подъедете к нам?

– Хорошо, мне не трудно, тем более что, как выяснилось, мне очень полезно бывать в обществе представителей власти, – усмехнулась Тина.

– Я рад, что вы сохраняете чувство юмора. Как мне найти вашу подругу Риту? Мне надо с ней побеседовать.

– Ее полное имя – Маргарита Юрьевна Корзун.

Тина продиктовала Риткины телефоны. Дала координаты Людмилы, своих и Лешкиных родителей, попутно ответив еще на несколько вопросов.

Артем, записав все данные, протянул ей визитку.

– Если хоть что-то покажется вам подозрительным, звоните в любое время, тут указаны все мои телефоны.

– Хорошо, спасибо.

Артем встал из-за стола и пошел к выходу. Он поймал себя на мысли, что ему совсем не хочется уходить. Ему было уютно, приятно сыто и не хотелось думать о том, что дома его ждет друг и соратник, майор уголовки с Петровки – Бывалый Григорий Павлович, до кончиков волос соответствующий своей фамилии.

Гришка был следаком от бога и имел в послужном списке уйму ранений, раскрытых дел, задержаний и совершенно уникальное сыщицкое чутье. Он чувствовал интригу преступления печенкой, и часто, вопреки сложившейся уже, казалось бы, железной версии, именно это его чутье и помогало раскрыть дело.

Гришке чуть за сорок, и он всю свою жизнь был холостяком, потому что весь, с потрохами, принадлежал одной-единственной «женщине» – своей работе. Он со своей «бригадой» и занимался этим делом вместе с прокуратурой в лице Артема. Сейчас они сядут за стол, выложат друг другу, что накопали за день, и попробуют выработать хоть какое-то направление поисков.

– До свидания, Тина, – попрощался Артем, в который раз за время, проведенное с ней, пытаясь унять непонятную досаду.

– До свидания, Артем Константинович, – отозвалась Тина.

Тина позвонила Рите.

– Ритуля, здравствуй!

– Здравствуй, солнышко! Как ты там?

– Ритка, бери Дениску и приезжайте ко мне с ночевкой.

– Что опять случилось?! – заорала Ритка.

– Рит, ты приезжай, я все расскажу, только не гони, бога ради!

– Мы сейчас приедем, жди! – проорала Ритка и бросила трубку.

После ухода следователя Тине вдруг стало тоскливо в этой большой, притихшей, как перед бедой, квартире. Такого приступа одиночества она не испытывала, пожалуй, никогда в своей жизни.

И еще. Ей стало страшно! По-настоящему страшно! По-честному!

Кому могло понадобиться представлять ее преступницей? И зачем? Так! Она не будет паниковать! Сейчас приедет Ритка, они все обсудят и обязательно что-нибудь придумают! Они найдут выход, как случалось уже не раз.

Они дружили всю жизнь. С самого рождения. Их родители были соседями по дому, и так получилось, что Тина с Риткой родились в один день, в одном роддоме, а их мамы лежали в одной палате.

Они ходили в одни ясли, в один садик, а вот в школы пошли разные – Ритка в английскую, а Тина в обыкновенную.

Ритка была единственной ее ровесницей, которая откровенно не понимала, почему полнота подруги может служить причиной шуток или нежелания с ней дружить. У нее совсем иначе были устроены мозги, чем у большинства детей.

Девчонки являлись полными противоположностями – Тина большая, высокая, крупная, а Ритка маленькая, миниатюрная. У Тины темно-рыжие волосы, а у Ритки совершенно белые. Тина была спокойной и дотошно размышляла над любой проблемой, прежде чем что-то предпринять, кроме драк, конечно, – на оскорбления она всегда давала сдачи без лишних размышлений. А Ритка, непоседа, сначала что-то вытворяла, а потом уж обдумывала, что натворила. У Тины имелись явные способности к точным наукам, а у Ритки – к гуманитарным. Тина спокойно выслушивала рассказы подруги о сто первом поклоннике, а Ритка замазывала йодом ее раны после очередной драки с мальчишками, успокаивая ее и искренне не понимая, как ребята не видят, какая Тинка классная. Тина делала за нее уроки по алгебре, геометрии и физике, а Ритка переводила с английского и писала за двоих сочинения.

В выходные они обязательно ночевали вместе, рассказывая друг другу нехитрые секреты, то у Тины дома, то у Ритки. Когда их родители поняли, что с этим бесполезно бороться, то просто договорились, в какие выходные кто из них отдыхает от детей.

У Ритки очень рано умер папа – когда им было по десять лет. Семья у Ритки самая обыкновенная, простая, доходов особых не водилось, перед смертью папа

сильно болел, и все средства, которые имелись в доме, ушли на лечение. Мама Тины собрала деньги на похороны со всех соседей, сходила в месткомы Риткиных родителей и настояла на материальной помощи семье.

Тина долго и часто лежала в больницах – ее много лет безуспешно пытались лечить от неправильного обмена веществ, вызывающего ее неестественную полноту, и единственным человеком, кто ходил навещать ее два раза в день, была, конечно, Ритка.

После школы Ритка поступила в университет на юридический, а Тина в институт. В студенческие годы у Ритки случилась большая любовь, всепоглощающая страсть к старшекурснику. Они стали жить с ним у Ритки. Кавалер объяснил ее маме, что как только его родители смогут взять отпуск, они приедут и состоится свадьба. Ритка забеременела, потенциальный муж был счастлив, говорил, что с нетерпением ждет рождения ребенка. Но когда Ритка была на шестом месяце, будущий папаша скрылся в неизвестном направлении, тайно переведясь в другой институт и оставив записку, в которой сообщал, что не готов стать отцом и взять на себя ответственность за семью.

Врачи предложили преждевременные роды – Ритке еще не исполнилось восемнадцати. Тогда на кухне у Ритки состоялся семейный совет, в состав которого входили Тина, ее родители и Ритка с мамой.

Ритка открыла «заседание» категоричным заявлением:

– Ребенок ни в чем не виноват! Я не согласна ни на какие преждевременные роды! Он замечательный и только мой!

– Ну, слава богу! – выразила общее мнение мама Тины. – А мы всем скопом собрались уговаривать тебя рожать!

– Правда? – спросила Ритка и расплакалась.

– Конечно правда! – сказала ее мама и прижала дочь к себе.

– Риточка! – вступил папа Тины. – Мы посовещались и решили, что тебе ни в коем случае нельзя бросать учебу! Мы с ребеночком справимся, все вместе, а ты

учись!

После папиного выступления открылись «шлюзы», и все присутствующие долго с удовольствием и облегчением рыдали.

Ритка родила замечательно здорового – четыре двести! – сына.

Дениска получился эдаким сыном полка.

Его перекидывали из семьи в семью. Отводили и забирали из яслей по очереди – тот, кто был свободен. Родители работали, девчонки учились. Тина с Ритой бегали в детскую кухню и по врачам, которые так и не смогли понять, кто же из девушек мама. Таскали его с собой на экзамены, когда некому было с ним сидеть, перекидывая его из рук в руки, как мячик.

Когда Дениска стал говорить, то никогда не называл Риту мамой, а Тину тетей, для него они были Тина и Рита. Да и как он мог называть их по-другому, если, читая ему сказки, они сами умирали со смеху, а играя в мяч, заводились и устраивали соревнования друг с другом под его веселый хохот, и так далее и так далее.

Ритка закончила с отличием университет. На последнем курсе она участвовала в каких-то конкурсах, один из которых проходил в Москве и на котором она завоевала первое место. Призом в этом конкурсе была работа стажером, по окончании учебы, в крупной и довольно известной московской фирме.

Ритка решила не ехать – ее мама сильно болела, получила инвалидность, ходила с трудом, да и Дениске всего четыре годика – какая Москва при таком раскладе?! Об этом решении она и сообщила на очередном семейном совете. Но Вероника Андреевна, Риткина мама, категорически отвергла такую жертву:

– Маргарита! Ты обязана ехать! Если ты останешься со мной, упустишь шанс чего-то добиться в жизни и для себя, и для сына. Ты не имеешь права потратить лучшие годы жизни на уход за больным человеком. Да мне это и не надо – ну не при смерти же я! И с Дениской мы справляемся. Езжай, а когда начнешь зарабатывать, нам всем станет полегче. Здесь ты никакой карьеры не сделаешь. Такой шанс дается один раз.

И Ритка поехала.

Прорыдав все время до отъезда и зацеловывая без остановки Дениску, как будто расставалась с ним на всю жизнь. Дениска ее успокаивал:

– Рита, не плачь, я же с Тиной останусь. Чего ты?

Тина устроилась работать в фирму, занимающуюся компьютерами, и забрала Дениску к себе.

Через полгода она поехала навестить подругу в Москве, а заодно в командировку – договариваться о закупках деталей и программного продукта.

Ритка снимала комнату в самой дешевой коммуналке. Когда Тина пришла к ней и увидела, как она живет, у нее волосы встали дыбом! Вечно пьяные соседи-алкоголики, которые два дня из трех пили до утра и устраивали разборки друг с другом с элементами тяжелого рукоприкладства. Тараканы, непролазная грязь. Копеек, которые получала Ритка на своей работе стажера, хватало только на это жилье и самые дешевые макароны с маргарином.

Тина подписала необходимые договоры, нашла более приличную комнату с замечательной соседкой – интеллигентной бабулькой, перевезла туда Ритку и уехала. А через неделю вернулась вместе с Дениской и стала работать сразу на трех работах: курьером в той фирме, с которой заключала договор, уборщицей там же и ночной уборщицей в садике, куда они устроили Дениску, – иначе его никак не брали.

И началась их московская эпопея втроем.

На выживание!

Они вгрызались в эту жизнь, не позволяя себе расслабляться, не позволяя нытья и малодушных попыток сбежать назад, домой, от холода, голода, неустроенности, нищеты и житейской несправедливости.

Как-то раз, придя в одну из фирм в качестве курьера, Тина посмотрела на людей, работающих там, уловила атмосферу, запах нового дела, интересной работы

и прямиком прошла в кабинет к директору, с порога сообщив:

– Я хочу у вас работать. У меня есть красный диплом и желание чего-то достичь в этой жизни. И мне очень понравился ваш коллектив.

Сергей Владимирович Коротов, оторвавшись от бумаг, которые изучал, и оторопев от такой наглости, присмотрелся к ней и сказал:

– Хорошо! Но мне нужен еще и бухгалтер. Сможете совместить?

– Да!

– Приступаете завтра, в качестве младшего менеджера, и завтра же поступите на курсы бухгалтеров.

Так она стала менеджером… и еще немного курьером и уборщицей.

Тина отметила это дело с Риткой, позволив себе первый раз за все время, прожитое в Москве, купить чекушку дешевой водки и незамысловатую закусочку под нее.

– Девчонки! Вы такие умницы, – сказал им Дениска, застав дамочек за праздничным распитием, вернувшись после просмотра мультика у соседки.

– А это откуда, Денис? – спросила Ритка.

– Так говорит баба Люда!

Бабой Людой он называл их чудную соседку по коммуналке, которая души не чаяла в мальчике и часто помогала – то Дениса из садика забрать, то отвезти или просто присмотреть, когда они были на работе.

Ритка приходила со своей сверхурочной работы часов в десять вечера и заставала Тину с Денисом сидящими на кровати, укрывшись с головами одеялом, и рассказывающими друг другу страшилки. Она скидывала обувь и залезала к ним третьей. Тина приходила со своих курсов так же поздно и заставала Ритку с Денисом раскрашивающими масляными красками

апельсины, подаренные Ритке клиентом для ребенка, – для красоты, как объяснял Денис. Она снимала обувь, закидывала портфель подальше, брала кисточку и присоединялась к ним.

Закончив курсы и немного разобравшись в бухгалтерии, Тина попросила разрешения у начальника подрабатывать – делать балансы для маленькой фирмы. Это было большое подспорье, так необходимое ей. Он разрешил, но предупредил:

– Если увижу, что это вредит основной работе, выгоню к чертовой матери!

– Конечно! – обрадовалась Тина.

– Игнатова! Ты что, двужильная? Ты же загнешься!

– Я точно знаю, – уверенно заявила она, – что наша фирма скоро станет очень солидной, и надеюсь к тому времени занимать хорошую должность и получать такую же хорошую зарплату. А пока я и бухгалтерию лучше выучу, и деньги заработаю.

– Твои бы слова да богу в уши, – проворчал начальник.

Она уже выходила из кабинета, когда Коротов добавил:

– Тина, не надорвись. Лучше давай я тебе дам взаймы, потом отдашь.

– Нет, так не лучше. Мы сможем, мы с Риткой сильные, пока у нас получается без долгов.

И у них получалось!

Ритку повысили, она работала как каторжная. Тина от нее не отставала, и постепенно они начали вылезать из беспросветной, отупляющей нищеты, позволив себе наконец снять однокомнатную хрущевку.

Однажды, придя вечером домой после того как сдала в двух налоговых три баланса, отстояв безумные очереди, Тина накормила ужином Дениску

и спросила:

– Слушай, у тебя есть чем сейчас заняться?

– Конечно, Тина! У меня книжка новая. А что?

– Мне надо поспать, а то я умру!

– Иди, спи, я тебе мешать не буду, – очень серьезно ответил Денис.

– Ты не можешь мне мешать, даже если будешь орать мне в ухо, – рассмеялась Тина его серьезности.

– Почему?

– Во?первых, потому, что я тебя люблю, а во?вторых, потому, что безумно устала.

Она заснула мгновенно, еще до того как коснулась головой подушки, и проснулась от непонятных звуков. Войдя в кухню, Тина застала следующую картину: Ритка, сидя за столом над тарелкой с пережаренной яичницей, навзрыд рыдала, а Дениска стоял рядом и успокаивающе гладил ее по плечу.

– Так! – громко спросила Тина. – У нас трагедия?

– Не?е?ет, – рыдала Ритка. – У нас большая радость!

– Почему рыдаем?

– Пре-едставляешь, я прихожу, а Дениска го-оворит, – захлебываясь слезами, рассказывала Ритка, – Тина спит, она о?очень устала, не-е будем ее будить, я сам тебе ужин приготовлю. И по-ожарил яичницу. Ты-ы, говорит, сиди, отдыхай!

– Рита, чего ты плачешь? – удивился Денис. – Я же у вас единственный мужчина в доме, мне надо о вас заботиться! – И вызвал этой тирадой еще более бурный поток материнских слез.

Тина села за стол, притянула к себе Дениса, прижала, поцеловала в макушку и тоже зарыдала, составив подруге компанию.

Так они и жили!

Потом Ритка быстро и очень серьезно начала делать карьеру, обросла дорогими клиентами и поперла в гору.

А Тина встретила Алексея.

– Ну где тебя носит, мой друг прокурор? – прокричал из кухни вместо приветствия Гришка.

– Кто Гамлета зовет? – ответил ему в тон Артем, снимая обувь в прихожей.

Они часто так встречались у Артема в квартире, чтобы поужинать, как правило далеко за полночь, спокойно обсудить текущее дело, иногда и выпить по рюмке, если совсем как-то тяжко и умотались до предела. У Гришки так душевно посидеть было невозможно, разве что на третий день крутого запоя, когда все уже пофиг – жил он в однокомнатной квартире в Бутово и вел абсолютно холостяцкий быт – то есть имел полное его отсутствие.

Артем прошел на кухню и присвистнул, увидев накрытый стол:

– Какая лепота! Тут тебе и селедочка, и соленые огурчики, и… – Он поднял крышку стоящей на столе кастрюли и понюхал пар, вырвавшийся оттуда. – А?ах! Картошечка! И бутылочка, я смотрю! Беленькая, холодненькая!

– Дык, барин, как положено!

– С чего гуляем? Зарплату получил или штраф с кого взял за переход в неположенном месте?

– Авансик сподобился в кассе получить-с.

– Прелестно! Ладно, пойду переоденусь.

Артем прошел в спальню, снял костюм, повесил его в шкаф, натянул на себя любимые, протертые до дыр джинсы, футболку без рукавов и пошел в ванную мыть руки.

– Драгоценная влага испаряется! – поторопил его Гришка.

– Бегу, бегу, – послушно отозвался Артем.

Они сели за стол, подняли наполненные рюмки, и Артем признался:

– Я сегодня уже изволил две мензурки откушать.

– Размялся, значит, – резюмировал Гришка. – Ну, тогда с новым делом вас, Артем Константинович!

– Нас, Гришаня, нас! – ответил Артем, они чокнулись и выпили.

Быстро закусив кусочком селедочки, Гришка стал наполнять тарелку едой, но Артем расслабиться товарищу не дал.

– Ну что, Григорий Павлович, выкладывай, что накопал, порадуй меня чем-нибудь, – потребовал Беркутов.

– Опросил сослуживцев подозреваемой, а также ее директора, – приступил к отчету Бывалый. – Фирма существует восемь лет, занимается поставками оборудования для столовых, ресторанов и производства общепита. Мадам Игнатова работает там семь лет, сейчас занимает должность заведующей отделом. Очень ценный работник: множество придуманных и реализованных идей, принесших фирме большие доходы. Спокойная, уравновешенная, ответственная. Коллектив ее обожает, правая рука директора. С директором на короткой ноге, но никакого интима – просто друзья и соратники. Две недели назад рассталась с гражданским мужем – Алексеем Ивановичем Потаповым, в связи с чем взяла внеплановый отпуск, чтобы, как говорит ее начальник, подумать. Она всегда так делает, если надо решить какую-то трудную проблему или придумать что-то – запирается в одиночестве и размышляет, а потом выдает

очередную гениальную идею. Причина расставания Игнатовой с мужем никому не известна, кроме начальника, но он отказался это обсуждать, предложив спросить у нее самой.

– Пятнадцать дней назад Валентина Игоревна, внезапно приехав днем домой, застукала мужа в кровати со своей подругой, – сообщил Артем.

– О как!

– Да, собрала его вещи и выставила из дома.

– Квартира ее?

– Ее родителей.

– Не она это, Артемушка, – тяжко вздохнув, расстроенно покачал головой Гришка, – я чувствую! Если бы она задумала его убить или пугануть, она бы кого-нибудь наняла и обдумала бы все до мелочей, да так, что и запаха ее близко не витало бы. За семь лет работы на ее идеях фирма обогатилась – она очень умная, схемы такие придумывала, ого-го! Уж шарфик свой точно не надела бы и курить там не стала. Это точно не она. Зачем уравновешенной, здравомыслящей женщине стрелять, да еще самой, в бывшего мужа? Есть, конечно, одна причина.

– Деньги? – усмехнулся Беркутов.

– Ну а куда ж без них! – вздохнул тягостно Гришка. – Если бы он погиб, его доля в фирме перешла бы ей. Для этого необходимо только зафиксировать в суде факт совместного проживания. Кстати, ее ближайшая подруга очень серьезный юрист по гражданским делам, так что Игнатовой даже в суде не надо было бы появляться, за нее бы все сделали. Часом, не с той подругой был застукан муж?

– Нет, с другой дамочкой.

– Деньги там довольно большие, – продолжил рассуждать Гришка. – У фирмы ее мужа миллионные обороты. Завтра Лидусю отправлю покопаться в их финансовых документах, она точно скажет, сколько Игнатовой обломилось бы.

Лидуся, а точнее Лидия Горева, была капитаном милиции и работала в бригаде у Гришки. Владела боевыми искусствами и стреляла с завязанными глазами в десятку. Но это были не все ее таланты. Она имела особый нюх на цифры. Могла вытащить нужную информацию из самой запутанной документации. Много раз ее переманивали к себе налоговики, но Лида оставалась беззаветно предана своим ребятам и Петровке.

– Ради денег даже самая уравновешенная дама может рискнуть, – сказал Гришка.

– Покопать, конечно, надо и разобраться, что у них там творится на фирме. А что с версией о нашем «любимом» госчиновнике?

– Работаем. Твой Генеральный дал добро на «разговор» с господином. Завтра в двенадцать дня договорились встретиться. Предварительная беседа по телефону ничего не дала – никто не угрожал, никаких наездов и требований. Странное какое-то покушение, нелогичное.

– Гриня, нам срочно нужна рабочая версия, – вздохнул тяжко теперь и Беркутов и пояснил: – У Игнатовой Валентины Игоревны стопудовое алиби. В это время, с часу дня и до без двадцати два, у нее в гостях находился участковый и откушивал ее божественные щи!

– Так! – недовольно хмыкнул Гришка. – Так, – повторил он и сообразил: – Постой, а откуда ты знаешь, что «божественные»?

– Отпробовал! – расплылся довольной улыбкой Артем.

– Что, берем взятки у подозреваемых?

– К тому времени она была уже не совсем подозреваемая. С участковым я, кстати, побеседовал, он все подтвердил. Ну, Гриня, и что мы имеем?

– Хрен мы имеем! Кто-то специально наводит нас на Игнатову. Он уверен, что у нее нет алиби, зато есть мотив, даже два – деньги и измена мужа. Либо это все-таки по линии госчиновника – маскировка замечательная в данном случае. Мы бы Игнатову уже сегодня арестовали, и все! Есть раскрытое дело! Либо

покушение связано с Потаповым и кому-то очень надо его напугать, а не убрать. И этот кто-то Игнатову хорошо знает или специально узнавал ее привычки, чтобы подставить ее следствию. Я же говорю – не дело, а полная жопа!

– Ладно, Гриня, прорвемся, не впервой. Давай пройдемся по основным этапам на завтра.

– Сначала мне надо принять от таких известий! – сказал Бывалый, разливая водку по рюмочкам. – Как, кстати, дамочка?

Они выпили, закусили, и Артем поделился своим впечатлением:

– Как ты и сказал: спокойная, рассудительная, умеет сдерживать эмоции – все это выработано годами: в детстве была толстенькой и, видимо, доставалось ей от сверстников по полной программе, вот и научилась скрывать чувства. Тридцать лет, семь из них живет в Москве. Очень интересная женщина!

– Ну-ну! – язвительно заметил Гришка. – Напоминаю: она проходит по делу о покушении на убийство!

– Да знаю я! – с досадой ответил Артем. – Что ты нервничаешь?

– Это я нервничаю?! – возмутился Гриша. – Это по твоей роже видно, что ты на дамочку запал. Я тебя первый раз таким вижу, а знакомы мы, заметь, очень давно. Эй, «важняк», напоминаю: дама – основная подозреваемая по делу!

– Ладно! – оборвал его Артем. – Что мы имеем?

– Мы имеем два направления: Потапов и госчиновник. Будем копать, – сказал Григорий и поднял рюмку.

– Будем копать, – ответил Артем и, поддержав товарища, тоже поднял рюмку.

– Тина! – закричал с порога Дениска и кинулся ей на шею. – Что ты пропала так надолго?

– Дениска, солнышко, я так рада тебя видеть! Дай я тебя расцелую!

– Только без лишнего усю-сю! – сразу стал вырываться он из Тининых объятий.

– Тинка! Говори немедленно, что случилось! – потребовала входящая следом за сыном Ритка.

– Вы с ночевкой?

– Ну конечно!

– Тогда мы пойдем на кухню, а Деничка найдет чем заняться.

– Мне же проще, – пожал плечами пацан, – я пошел за компьютер: вы меня не трогаете, я вас! Все довольны! Я с собой и игры свои взял. Идите, сплетничайте.

– Ну не сын у нас, а золото! – рассмеялась Ритка и поцеловала его в лоб.

Дениска отправился играть, а Ритка с Тиной устроились на кухне.

– Ты что, до сих пор переживаешь из-за того, что выгнала Лешу? – спросила Ритка, усаживаясь за стол и доставая из сумки телефон и сигареты. Со своим сотовым телефоном она не расставалась никогда, даже на ночь клала его возле себя.

– Переживаю, но не потому, что его выгнала. Все думаю: почему я раньше с ним не рассталась. Знаешь, у меня такое чувство, как будто я тяжесть непомерную с себя скинула.

– Слава богу! Проняло наконец! А то я уже бояться стала, что ты с ним всю жизнь проживешь! – возрадовалась подруга.

– Ладно, Ритуль, я знаю, что ты Алексея недолюбливаешь. Я с этим в себе уже разобралась. Правда, с Людмилиным участием никак еще не примирилась, хотя мне ей спасибо надо бы говорить, что помогла все по местам расставить. Она сегодня приходила, пыталась что-то объяснить, но я еще не готова с ней

разговаривать, мне время требуется, чтобы ее понять.

– Нет, ну какова?! Она еще и приперлась грехи замаливать! – возмутилась Ритка.

– Да перестань ты! Банальная ситуация, я где-то читала, что процентов семьдесят измен происходит с близкими родственниками и друзьями семьи. Просто пока это не касается тебя лично, ты не можешь прочувствовать всей глубины переживаний, и нам всем кажется, что с нами подобное никогда не произойдет!

– Это точно! Уж я?то знаю, через меня такие семейные разборки проходят только держись! «Санта-Барбара» отдыхает!

– Знаешь, – усмехнулась Тина, – я, когда вспоминаю то, что увидела, умираю со смеху. Представь: он такой толстенький, пузатенький, под ним даже Людку не видно было, скачет на ней, матерится. Прямо по Жванецкому – «в раздетом виде был широк, в одетом скуповат!».

И они расхохотались, громко, от души, так, что выступили слезы, сгибаясь пополам от приступов смеха. На хохот прибежал Дениска.

– Вы чего? – заражаясь их весельем, спросил он.

– Ничего. Веселимся! – ответила Ритка.

– Вот и правильно! Надо радоваться, что от этого придурка отделались!

– Слушай, что ребенок говорит! – продолжая смеяться, сказала Ритка Тине.

– Дениска, – удивилась Тина, – ты же никогда его не критиковал.

– Мне Рита не разрешала, говорила, что муж и жена должны разобраться сами, на них нельзя давить мнением со стороны.

Между Денисом и Алексеем сразу установились холодные отношения. Лешка не понимал, почему Тина носится с Денисом, как с родным сыном, а тот называет Тину и Риту по именам, почему на него нельзя кричать и указывать, как и что

правильно делать? Он же просто ребенок, его надо воспитывать! «И вообще, ты же ему не мать, чтобы с ним так возиться, и тем более не ровесница, чтобы с ним разговаривать, вместо того чтобы дать подзатыльник, когда он не прав?!»

Дениска раздражал Алексея, но Тина один раз и навсегда расставила все по местам, объяснив Лешке, что так было, есть и будет всегда. И либо Алексей принимает все как есть, либо жить вместе они не будут. Этот разговор произошел в самом начале их отношений, и он смирился, но своего отношения к Денису не изменил, правда, старался его не демонстрировать так уж откровенно.

– Деничка, – спросила Тина, – ты есть хочешь? Я щи сварила.

– Щи? Клево! – восхитился Денис. – Только мы с Ритой поужинали. Я попозже, ладно?

– Я буду! – заявила Ритка. – Даже если лопну!

– Я пошел играть дальше, – махнул им рукой Дениска и умчался.

Тина стала хлопотать, который уж раз за день накрывая на стол.

– Выпить не хочешь? – спросила она у Риты.

– А что, есть повод?

– Есть, но странный. Я предлагаю скорее для поддержания духа.

– Игнатова! – повышая голос, спросила Ритка. – Что случилось-то?! Ты меня в гроб загонишь своим молчанием!

– Ритуль, давай сядем уже спокойно за стол, и я все расскажу.

– Давай!

Ритка поднялась и стала помогать Тине накрывать на стол, чтобы не отвлекаться от разговора, а сесть, как она говорила в таких случаях, «по-человечески, а не скакать каждые пять минут».

Наконец они устроились за столом, все-таки выпили по рюмке, Ритке потребовалось для «нервов» от таких новостей, закусили, и Тина, собравшись с духом и мыслями, выложила сразу все новости.

Зная Ритку, она рассказывала подробно, стараясь не упускать ни одной детали. Во всем, что касалось работы или трудных жизненных ситуаций, Ритка проявляла редкую дотошность и скрупулезность. И любила повторять: «Из самых мелких деталей складывается полная картина, и все, казалось бы, незначительные вещи и являются самыми главными в деле. Говорят же, суть кроется в деталях».

Ритка была замечательным, талантливым юристом и именно благодаря своему вниманию к этим самым мелочам умела безошибочно ориентироваться в трудных делах. Эта ее черта характера, невероятное трудолюбие и светлая голова помогали ей делать столь успешную, быструю карьеру.

– Ну хорошо, – заканчивая рассказ, недоумевала Тина, – то, что стрелявший специально указывал на меня, это понятно. Мне непонятно, какие, по его мнению, у меня могут быть мотивы, чтобы уконтропупить Лешку?

– Тина, – строго сказала Рита, – у тебя целая куча мотивов. Целых два очень весомых мотива: деньги и измена мужа!

– Рита, ты о чем? Какие деньги? Это же смешно! И с чего мне так убиваться от его измены, если, честно говоря, это был для меня прекрасный повод с ним расстаться?

– Это знаем мы, а для милиции это мотив! Еще какой мотив! – принялась разъяснять она. – А деньги… В случае Лешкиной смерти ты его единственная наследница как жена, пусть и гражданская. Никаких других родственников у него нет, насколько нам известно. Тебе только надо через суд доказать факт вашего совместного ведения хозяйства и жизни в течение пяти лет. А сейчас так вообще проще – выписка из уголовного дела за подписью прокурора о том, что этот факт установлен следствием и есть официальные свидетельства

о вашем совместном проживании, – ты ее представляешь в суд, и все! Его партнеры и все сотрудники Лешкиной фирмы в один голос убедительно и неоспоримо заявят о вашем семейном статусе и совместном быте. Его мужики тебя так вообще обожают! И все, понимаешь? Лешкины активы: движимость, недвижимость, в том числе и его доля в фирме, переходят к тебе! А его партнерам это просто подарок, они же понимают, что в таком случае ты бросишь свою работу и займешься их делами. Ты крутая и очень умная, уж это они точно знают, значит, от твоего участия только выиграют. Поэтому и не станут препятствовать передаче его доли тебе, а ровно наоборот. Вот и выходит, что тебе Лешкина смерть выгодна и твое покушение на него логично – он от тебя ушел, и ты, боясь потерять деньги, стала действовать!

Рита говорила жестко, спокойно. Она старалась не пугать Тину, а обдумывала ситуацию, рассуждая отстраненно и холодно, как профессионал.

– Ритка… – у Тины округлились глаза от испуга, – я об этом не подумала, а ведь точно! Это еще какой мотив! Вот черт! Что же теперь с этим делать?

– Тебе невероятно повезло, – потрясла ладонями в утверждающем жесте Ритка. – Просто какое-то чудо, что именно сегодня у тебя был участковый и именно в нужное время! Это для нас огромная помощь!

– Вот и Беркутов так говорит!

Тина улыбнулась, вспомнив его.

Она вспомнила его сильные, большие руки, обаятельную улыбку, как он произнес: «Взятка должностному лицу?» – и в глазах у него вспыхнули смешинки. Вспомнила его так четко, так подробно, как будто увидела перед собой. Эти воспоминания успокоили ее, невероятно удивив всплеском сильных эмоций и чувств.

– Кстати, – добавила Ритка, – надо узнать, что это за птица такая, твой Беркутов. Я что-то слышала о нем, но не помню.

Рита взяла телефон, пролистала в нем записную книжку и набрала номер. Она выглядела такой деловой, сосредоточенной, что Тина улыбнулась, глядя на подругу, – маленькая, миниатюрная Ритка была самым большим ее

защитником и никому не даст ее в обиду!

Какое счастье, что у нее есть Ритка и Дениска!

– Артур! – поздоровалась Ритка, когда ей ответили. – Здравствуй, дорогой! Извини, что поздно, но мне нужна твоя консультация. Скажи, ты знаешь Артема Константиновича Беркутова, следователя Генпрокуратуры?

Рита слушала, что рассказывает ей коллега, а Тина смотрела на нее и, как обычно, когда видела подругу в работе, поражалась. В обыденной жизни Ритка была веселой, легкой, вечно придумывала какие-то розыгрыши и втягивала в них окружающих. Постоянно теряла ключи, перчатки, зонтики, умудрялась забыть обед на плите и мчалась через всю Москву, чтобы его выключить. Могла, ничего не объясняя, посадить Тину с Дениской в машину и увезти за город – смотреть на закат, или придумать неожиданный пикник – «просто так, от хорошего настроения!». Она была как сгусток веселой, неуправляемой энергии. Но если Ритка занималась делом или нужно было разрешить серьезную жизненную ситуацию, она совершенно преображалась, становясь сосредоточенной, деловой, внимательной. Она менялась даже внешне – нос и скулы заострялись, взгляд становился строгим, проницательным, делая ее старше. В ней уживались две Риты, идеально дополняя друг друга. Наблюдая подругу за работой, Тина понимала, почему люди доверяют ей как юристу безоговорочно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/tatyana-alyushina/vlyubit-sya-v-zhertvu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити